

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ.

1. Натуральное хозяйство.

Люди—единственные ли существа в природе, ведущие общественное хозяйство?

— Нет. Этим отличаются также некоторые насекомые—муравьи, термиты, пчелы, осы,—некоторые стадные млекопитающие, напр., бобры, многие обезьяны; также некоторые стайные птицы.

Чем же отличается человеческое хозяйство от хозяйства таеих животных?

— У всех них для борьбы за жизнь имеются только органы их тела—лапы, когти, зубы, клювы. Человек—единственное животное, которое делает *орудия*, дополняет свои природные органы как бы новыми искусственными. Одно это резко выделило человека из царства животных и позволило ему победить прежних царей природы, ее гигантов, далеко превосходящих его физической силой.

Какой характер имело первоначально общественное хозяйство?

— Оно было *натуральным*. Так называется хозяйство, которое живет продуктами собственного труда, а не продуктами, полученными путем обмена, на рынке. Противоположность натуральному хозяйству составляет меновое, которое существует при помощи обмена своих продуктов на чужие, при помощи рыночной покупки-продажи.

Существует ли теперь натуральное хозяйство?

— Только в самых глухих уголках земного шара, кой-где и в России, наприм., у некоторых полудиких инородцев Сибири. Вообще же не только в странах передовых, но и в отсталых господствует хозяйство меновое. Однако оно везде развилось из натурального, которое преобладало и в Европе еще несколько сот лет тому назад.

Какие известны формы натурального хозяйства?

— Три основных, которые в историческом развитии шли одна за другою; *родовая община первобытная, родовая община патриархальная, феодальный строй.*

Чем они экономически различаются между собою?

— Во-1) формами сотрудничества и степенью его широты; во-2) формами присвоения. Главные различия касаются степени разделения труда и развития эксплуатации.

а) Первобытная община.

Что представляла первобытная община?

— Небольшую группу—самое большее несколько десятков человек, связанных кровной родовой связью. В этой группе господствовало *простое* сотрудничество, и не было или были только ничтожные зародыши разделения труда. Каждая такая община составляла совершенно особое от других, подобных же групп общество, ничем с ними не связанное. Никакой эксплуатации в ней не было. Собственно не было даже и вообще «присвоения»: добытое общими трудами непосредственно и равномерно всеми и потреблялось (такие отношения принято называть «первобытным коммунизмом»).

От каких причин зависела такая форма организации?

— Она была необходимым следствием совершенно неразвитой, зародышевой техники труда. Орудий было очень мало, и только самые простые: сначала камень и палка, взятые прямо из внешней природы, потом их несложные сочетания—каменный топор, молот, копье с наконечником из осколка камня или из острой кости. Даже умение добывать огонь, это важнейшее орудие борьбы с природою, возникло скорее к концу этого периода жизни человечества. Ни земледелия, ни скотоводства не было: источником пропитания была *бродячая охота*, подразумевая под этим выражением не только собственно охоту на мелких и крупных животных, но также собирание диких плодов, зерен, съедобных корней и пр.

Каким образом из этой первобытной техники вытекает простая форма сотрудничества?

— Труд так несложен, что всякий умеет делать все то, что умеют делать и другие,—для специализации нет места, и не требуется особых организаторов производства. Таким образом, действуя сообща, члены группы выполняют приблизительно одинаковую работу, не подчиняясь никаким распоряжениям или указаниям: и так видно, что надо делать. Этими чертами и характеризуется простое сотрудничество.

Почему первобытная община так малочисленна?

— Бродячая охота, при ее первобытных приемах и орудиях, дает людям так мало, что для их прокормления требуется большое пространство земли; напр., в умеренном климате, вроде нашего, в диких лесах и степях на квадратной миле может кой-как просуществовать человек 20. Следовательно, если бы община разрослась хотя бы до 100—150 человек, ей пришлось бы раскидывать свой труд на такое огромное расстояние, что сохранить единство при всецело пешем передвиже-

нии было бы невозможно. Поэтому она распадалась на две еще раньше, чем достигала таких размеров, и обе новые расходились в разные стороны.

Почему там не было эксплуатации?

— Ее не могло быть, потому что не было *прибавочного труда*. Все усилия людей были едва достаточны, чтобы поддержать свою жизнь среди грозных и враждебных сил природы. Весь труд был только *необходимым* трудом. Если бы кто-нибудь стал из общей добычи брать себе больше других, на всех не хватило бы, и некоторые члены общины должны были бы погибать. Поэтому «первобытный коммунизм» был прямой необходимостью.

Какова была первобытная идеология?

— Она еще только возникала. На этой ступени жизни впервые зародилась человеческая *речь*. Ее начало лежит в самом производстве, а именно, в *трудовых криках*. При совместных усилиях у людей неизбежно вырывались известные крики, при одной работе одни, при другой—другие; так и у нынешнего дровосека при ударе топора вырывается звук «га», у рабочих, одновременным напряжением поднимающих тяжесть,—звук «ухх», у матросов, которые вместе тянут канат,—«го гой», и т. п. Эти крики делают общий труд более дружным, вносят в него единство и стройность, т.-е. до некоторой степени *организуют* его. Подобные звуки у первобытных людей сами собой стали *обозначением* трудовых действий, с которыми были связаны, и, как обозначение, были для всех членов общины вполне понятны. Так они стали зародышами *слов*. Выразить ими можно было очень немного, но достаточно для первобытной организации труда: пригласить родичей к совместной работе, ободрять в ней друг друга, поддерживать, где надо, одновременность движений всех работающих. Из этого начала развивалась потом речь, и далее размышление, которое есть внутренняя, не произносимая вслух речь,—а затем вообще идеология. Но в

первобытном обществе все это не пошло дальше первых зачатков.

Было ли первобытное общество способно к развитию?

— Несравненно меньше, чем какое-либо позднейшее. Так как прибавочного труда не было, то не оставалось свободной энергии для развития, и жизнь застывала в одном и том же виде. Человечество находилось всецело под властью природы, и его развитие происходило так же стихийно, с неуловимой медленностью, в ряду многих и многих тысячелетий, как развитие животных в природе. Размножение порождало голод; голод заставлял людей переселяться; на новых местах сами собой, незаметно, вырабатывались новые приемы труда, которые прибавлялись к прежним и увеличивали опыт. Таким образом нужда, страдание, необходимость все же вызывали, до невидимости слабый, прогресс жизни.

б) Патриархальная община.

Что представляла патриархальная община?

— Это тоже группа *родовая*, но более сложная, и, обыкновенно, более крупная, средним размером уже в несколько сот человек, как можно судить, напр., по библейским преданиям. Во главе ее стоит патриарх, человек наибольшего в ней опыта, чаще всего—старший член рода; он—организатор, руководит общим трудом, распоряжается общим продуктом; прочие члены общины—исполнители, подчиняются его указаниям. В таком виде патриархальная община сохранилась и до сих пор у многих отсталых племен, называемых у нас «дикарями».

Чем объясняется превращение первобытной общины в патриархальную?

— Повышением техники, появлением *прибавочного труда*. Возникли отрасли производства, дающие людям

некоторую *обеспеченность существования*, которой раньше не было: земледелие в одних местах, кочевое скотоводство в других. Вместе с тем усовершенствовались и усложнились орудия (из полированного камня, затем из бронзы, в некоторых странах—из грубо обработанного железа). В результате, с одной стороны, все производство стало обширнее и сложнее, в нем стала неизбежной некоторая специализация; и для сохранения в нем единства, целесообразности и стройности сделалась необходимой особая *распорядительская* деятельность. С другой стороны, появились более или менее постоянные *излишки*, запасы, словом—прибавочный продукт, за счет которого уже было возможно содержать организатора, избавив его от физического труда. Таким образом, специальная роль патриарха стала одновременно и нужна общине и материально возможна.

Почему община могла разрастись до численности в несколько сот человек?

— Опять-таки вследствие увеличения производительности труда.

Земледелие, хотя весьма неразвитое и грубое по своим приемам, а также кочевое скотоводство, вместе с улучшением всех других методов производства, позволяют прокормиться на таком же пространстве земли в несколько раз большему числу людей, чем одна первобытная охота; да и передвижение стало совершеннее—приручение лошади, применение лодки и т. п. Поэтому община могла сохранять единство и не распадаться при гораздо больших, чем прежде, размерах.

Существовала ли в патриархальной общине эксплуатация?

— Только в зародышевом виде. Вначале прибавочного труда слишком мало для какой бы то ни было эксплуатации. Патриарх если и берет себе несколько больше из общего продукта, чем другие родичи, то

работу ведь выполняет также более сложную, которая представляет более значительную затрату энергии, а потому необходимо связана с более высокими потребностями. В дальнейшем, однако, с увеличением прибавочного продукта и с усилением в то же время власти патриарха, он мало-по-малу расширял свои потребности за пределы нормально насущных, и это было началом эксплуатации в собственном смысле слова.

Какой характер имеет присвоение в патриархальной общине?

— В общем все еще *коммунистический*. Действительным собственником всех запасов, всего имущества, является группа, как целое. Патриарх—только ее уполномоченный распорядитель, который должен действовать сообразно ее коллективному интересу. Лишь в позднейшей стадии, к концу патриархального периода, глава общины начинает все более отделять свои личные интересы от коллективных интересов рода и захватывает понемногу богатство, созданное трудами группы, специально для себя; тогда старый коммунизм приходит в упадок. Но это есть и начало разложения родовой общины.

Сохраняет ли патриархальная община полную обособленность от других подобных общин?

— Она остается экономически самостоятельной, но уже не безусловно замкнута. Возникают, вначале очень слабые, связи между общинами: так как население стало гуще, то соприкосновение между ними происходит чаще, и первоначальная враждебность ко всем чужим не может сохраняться вполне. С одной стороны, нередко удерживаются мирные отношения между группами, родственными друг другу, разошедшимися от одного корня; они иногда объединяются для военной взаимной поддержки, для больших совместных охот, как индейцы Америки; на этой основе складываются *племенные союзы*. С другой стороны, зарождается *обмен* между общинами,

сначала как редкое и случайное явление, потом как все более обычное.

Что представляла идеология патриархального быта?

— Так как производство стало гораздо сложнее, трудовые действия, их орудия и материалы несравненно разнообразнее, чем в первобытную эпоху, то необходимо должна была значительно развиться речь, которая была орудием организации производства; она стала во много раз богаче словами и их сочетаниями. В труде, поколение за поколением, накаплился опыт, росло знание. Хранителями его были старейшие в роде, т.-е., обыкновенно, те же патриархи. Они его передавали другим, как заветы предков, как их нерушимое, т.-е. *священное* предание. Таким образом, это знание приняло вид *религии*. Именно к тем временам и относится первоначальное происхождение религий. В древнейших религиях мир и представлялся по образцу патриархальной общины, с великим властителем, патриархом во главе (как, напр., старая еврейская религия), или же в виде многих, рядом существующих, в союзе или вражде между собою, общин (простейшие виды языческого многобожия). В религиозных преданиях указывались и способы труда и взаимные отношения людей, словом—был собран воедино, *организован* многовековой опыт; и это было в высшей степени важно и нужно для всей организации производства. Идеология, следовательно, и здесь удовлетворяла потребности производства.

Насколько патриархальное общество было способно к развитию?

— Во много раз больше, чем первобытное, но все же лишь в чрезвычайно слабой степени, если сравнивать с нынешним обществом. Основа для развития уже имелась, хотя еще и в небольшом количестве,—прибавочный труд. Так как самое производство стало шире и сложнее, то в

нем было больше материала для дальнейшего прогресса; а мирные сношения между родственными или находившимися в обмене общинами еще больше увеличивали этот материал. Но стремления к прогрессу не было. Вся жизнь была построена на священном предании, которое, по самому своему смыслу, должно оставаться неизменным. Патриарх руководил обыденным ходом дел общины, и на это его сил хватало; но всякая перемена способов труда и соединенная с нею перемена в самом распределении работы и продукта, т.-е. *перестройка* обыденного хода жизни, требовала от него новых и очень больших усилий, потому что для слабо развитого сознания работа размышления, обдумывания—самая тяжелая и мучительная. Поэтому патриарх был *консерватором*, и если допускал что-либо новое в хозяйстве общины, то лишь подчиняясь тяжелой необходимости, а не по собственной охоте. Значит, прогресс и совершался настолько, насколько он был вынужден самой жизнью, насколько без него нельзя было обойтись.

Чем же именно прогресс вынуждался?

— Как и прежде — чрезмерным размножением людей, при котором становилось все труднее добывать на прежнем пространстве необходимые средства к жизни, голодом и вообще страданиями, вытекавшими из этого *перенаселения*.

в) Феодальное общество.

Какие причины вызвали переход от патриархального строя к феодальному?

— Новый и большой шаг вперед в развитии способов производства. Земледелие патриархальной эпохи, где оно применялось, было несовершенным и грубым по своим приемам и орудиям, имело полубродячий характер—сеяли на одном месте до истощения почвы, потом

переходили на другое,—и не было соединено с настоящим скотоводством. Новый же строй, феодализм, развивался на основе оседлого, правильного земледелия, соединенного со скотоводством. Плотность населения возросла значительно, родовые общины стали теснее соприкасаться и смешиваться между собою, родственные связи стали терять прежнее значение; к тому же новые способы земледелия были таковы, что его удобнее было вести на отдельных участках семьями; а это еще более усиливало распадение прежних родов;—община из родовой превращалась в соседскую. Но вместе с ростом населения возникла земельная теснота, а с ней постоянные столкновения и войны между общинами из-за земли; военная защита приобрела громадное значение; благодаря этому общинные вожди—большей частью, из богатых крестьян—захватывали все больше влияния и власти над своими сообщинниками; а затем, формируя дружины и опираясь на их силу, они превращались в настоящих господ над крестьянами — в феодальных сеньеров, бояр, князей; между ними, в свою очередь, более сильные подчиняли и облагали данью более слабых. Так создавалась цепь феодального подчинения.

Но одной военщины было, конечно, недостаточно, чтобы поддерживать общественную организацию; тем сильнее чувствовалась потребность в мирных организаторах,—ими и были жрецы; на этом основывалась сила жречества. Они были прямыми преемниками прежних патриархов: как и те, хранили опыт прошлого и поддерживали свою власть священным авторитетом; поэтому и сами они организовались *авторитарно*, т.-е. тоже в виде цепи власти и подчинения.

Что составляет основу феодальной организации?

— Крестьянские общины, получившиеся путем роста и распада патриархальных родов на семейные

хозяйства. Эти хозяйства сохраняли еще, однако, значительную связь между собою, в виде общинного землевладения и соседского сотрудничества во многих работах, таких, напр., как покос на общинных лугах, пастьба скота и т. п.; соседский обмен продуктами и услугами был также важною связью общины. Родственные отношения между семьями общины утратили прежнее значение, и, большей частью, забывались.

Что же, следовательно, стало с властью патриархов при переходе к феодализму?

— Эта власть отчасти перешла к домохозяевам, главам крестьянских семей. Главная же ее доля—власть над общинами в целом—перешла в руки новых организаторов, вождей и жрецов, или светских и духовных феодалов.

Какое значение для производственной жизни имели светские феодалы?

— Главная их роль заключалась в том, что они были организаторами военной защиты подвластных им общин. Они присваивали себе прибавочный труд крестьян, в виде *барщины* (обязательная работа на феодала в течение известного числа дней в году) или *оброка* (уплата дани феодалу продуктами). Благодаря этому, хозяйство феодала было экономически гораздо сильнее крестьянских хозяйств и могло брать на себя устройство предприятий, общественно-необходимых, но непосильных даже более зажиточным крестьянам: мельниц, пекарен, особенно же—дорог, мостов и пр. Во время голода, эпидемий и других бедствий феодал своими запасами и средствами поддерживал крестьян и помогал им пережить тяжелое время, заставляя их потом, разумеется, с избытком возвращать затраченное. На всем этом основывалась власть феодала: он считался «господином» (сеньером) земли и крестьян.

В чем заключалась общественная роль жрецов или духовных феодалов?

— Они унаследовали от прежних патриархов, главным образом, общий контроль над ходом производства, потому что, как патриархи, и они были хранителями общественного опыта, накопленного знания. Так, на основании астрономических наблюдений они вели точное счисление времени, и, напр., в земледелии устанавливали время начала разных работ и нормальную их продолжительность. Там, где земледелие было связано с разливами рек или с искусственным орошением полей, как в древнем Египте, Месопотамии, Средней Азии, Китае, жрецы были руководителями инженерных и канализационных работ. Они же заведывали, обыкновенно, общественной гигиеной и медициной, т.-е. сохранением рабочих сил общества. Они же руководили воспитанием юношества, т.-е. подготавливали для общины и вводили в нее новых членов из подрастающего поколения. Они контролировали все обыденные отношения людей, вплоть до семейных; в некоторых странах для полноты и точности такого контроля они применяли систему исповеди.

За счет какой части общественного труда и продукта существовали жрецы?

— Также за счет прибавочного труда. Они присваивали его частью таким же способом, как светские феодалы, в виде барщины и оброка с крестьян, специально подчиненных жреческим организациям при храмах или монастырях, частью же иначе: в виде особых налогов на верующих (как церковная десятина в Европе в средние века) и добровольных пожертвований трудом, продуктами, имуществом. Этими путями жрецы накапливали огромные богатства и запасы; ими они частью пользовались для того, чтобы помогать нищим и калекам, каких бывало много в феодальном мире благодаря его частым войнам, а также вообще нуждающимся во время обще-

ественных бедствий. Этим жрецы увеличивали свою общественную силу и укрепляли влияние.

Как были организованы сами феодалы?

— Более мелкие феодалы подчинялись более крупным, получали от них защиту, а за то платили им дань и сражались под их начальством вместе со своими дружинами; подвластные феодалы в Европе назывались «вассалами», а стоявшие над ними—их «сюзеренами». Эти сюзерены в свою очередь были вассалами феодалов более крупных, и т. д., вплоть до верховного для целой страны феодала, который назывался королем или императором. В России в средние века организация была совершенно такая же, только названия другие: над крестьянскими общинами стояли более мелкие феодалы—бояре, над ними более крупные—удельные князья, в свою очередь подчинявшиеся князьям еще более крупным, и т. д., вплоть до «великих князей», которые были высшими сюзеренами, как западные короли. Это была цепь власти-подчинения, приводившая снизу вверх к одному центру. Связь между феодалами—звеньями этой цепи—являлась, большей частью, довольно непрочной: каждый феодал у себя оставался полным хозяином, а с сюзеренами имел мало отношений и при случае изменял им или бунтовал.

Как были организованы жрецы?

— Тут также была цепь власти-подчинения, которая называлась «иерархией». В Европе высшие духовные феодалы назывались аббатами, епископами, кардиналами, а верховное положение в цепи занимал папа. Дисциплина и сплоченность были обыкновенно выше, чем в организации светских феодалов; не было бесконечных раздоров, междоусобий, мелких войн и грабежа, которые составляли там одно из обычных занятий.

Какие были отношения между светскими и духовными феодалами?

— Частью союз, частью соперничество. Жрецам в те буйные времена часто были нужны для защиты светские мечи; светским же властям нужна была помощь жрецов, чтобы сколько-нибудь поддерживать сносный порядок в своих владениях, а особенно—чтобы держать подвластное крестьянство в подчинении и покорности путем религиозного внушения. Но так как и светская аристократия и жрецы жили за счет одного и того же прибавочного труда крестьянских масс, делили между собою один и тот же прибавочный продукт, то неизбежны были также столкновения из-за большей или меньшей доли этого продукта. Борьба двух властей, скрытая или явная, велась иногда столетиями, приводя временами к подчинению светской власти духовенству, временами наоборот. В Зап. Европе экономическая сила оказалась на стороне духовенства, и оно надолго подчинило себе светских феодалов; в России случилось наоборот, сильнее были князья. В других странах бывало различно. Иногда господство переходило от жрецов к феодалам и обратно, как это было в Палестине у евреев, в Восточной Индии, в древнем Египте.

Была ли суровой эксплуатация в феодальную эпоху?

— Вообще говоря, нет. Так как хозяйство было натуральным, обмен оставался незначительным по размерам, то главное богатство феодалов, светских и духовных, состояло не в деньгах, а в продуктах и в рабочей силе подвластных им людей. Поэтому не было никакого интереса в чрезмерной эксплуатации: рабочие силы крестьян и их хозяйство надо было беречь, а не изнурять непосильными тяготами; накапливать же массы продуктов, сверх того, что сами феодалы со своей дворней могли потребить, являлось бы бессмысленным; и потребности феодалов не могли развиваться до большой утонченности, раз они

жили почти всецело продуктами труда своих крестьян. Таким образом, несмотря на тогдашние жестокие нравы, эксплуатация удерживалась в известных границах.

Какова была идеология феодальной эпохи?

— Так как общественная организация достигла огромной, сравнительно с прежним, сложности, то идеология, орудие для организации общественной жизни, также должна была чрезвычайно усложняться. Именно в эту эпоху человеческая речь развилась до такого богатства выражений и до такой их гибкости, что стала способна передать почти все переживаемое людьми; в те времена сложились такие высоко-совершенные языки и наречия, как древне-греческий, латинский, древне-славянский, древне-германский и другие. Накопление опыта возросло во много раз, ибо феодальное общество охватывало иногда миллионы людей и раскидывалось на обширные страны с разнообразной природой. Попрежнему опыт хранился в виде религиозного предания, и главным образом у жрецов; хранить его устно стало слишком трудно, и поэтому на этой ступени жизни возникла и развилась письменность. Создались веками священные книги разных народов; эти книги были своего рода энциклопедиями, складом собранного воедино жрецами общественного опыта. Сами религии не только сделались сложнее, но и приобрели черты той феодальной организации, для которой они служили: так, у индусов, у древних греков боги и герои представляли настоящую цепь вассалов и сюзеренов; подобный же вид приобрел в средние века католицизм, в котором место низших богов и полу-богов заняла феодальная цепь святых. Религия попрежнему охватывала всю жизнь людей, руководила ими на каждом их шагу, определяла для них нравственность и право, устанавливала все житейские отношения.

В какой мере феодальное общество было способно к развитию, и какие силы вели его вперед?

— Стремления к развитию в нем попрежнему быть не могло: вся жизнь была построена на преданиях прошлого—с одной стороны, на власти разных организаторов, светских и духовных—с другой; предания всегда консервативны, властители-организаторы тоже враждебны всяким переменам в жизненных отношениях, всякой их перестройке, потому что она чрезвычайно усложняет и затрудняет их организаторскую работу, а также ослабляет их опору—авторитет прошлого. Но на деле развитие не могло не происходить, притом гораздо быстрее, чем в патриархальную эпоху, хотя и очень медленно по нашим современным понятиям, почти незаметно для каждого поколения в отдельности. Продолжали действовать те же причины развития, что и раньше, но с еще большей силой; население размножалось быстрее, земельная теснота наступала скорее, а с ней недоедание, болезни, общественные неурядицы; всем этим старое подрывалось, и необходимость заставляла понемногу усваивать новое. Феодальная эксплуатация усиливала действие земельной тесноты. Между тем, материала для развития было гораздо больше, чем прежде, потому что сношения и связи людей были несравненно шире, и было несравненно больше возможности заимствовать друг у друга. Особенно важно для этого расширение обмена, при котором люди, вместе с новыми продуктами, усваивают друг у друга новые потребности, новые технические приемы, новый опыт. Можно принять, что такие же шаги прогресса, которые в эпоху первобытную совершались десятками тысяч лет, в патриархальную—тысячами лет, в феодальную происходили в течение сотен лет (а теперь происходят за какие-нибудь десятки лет, и даже менее).

II. Развитие обмена.

а) Товар вообще.

Что называется товаром?

— Продукт человеческого труда, который идет в обмен.

Какими общественными свойствами обладает товар?

— Во-1) как и всякий продукт, он имеет и *трудовую* стоимость, и *потребительную ценность* (или общественную полезность); во-2) кроме того, он обладает своим особенным свойством—обмениваться на такое или иное количество других товаров; это свойство называется *меновой ценностью* (или, что то же, *меновой стоимостью*; а всего чаще говорится просто «ценность»).

Откуда взялась у товара способность обмениваться?

— Она возникла благодаря разделению труда в обществе—благодаря *специализации* разных хозяйств на производстве разных продуктов. Когда все хозяйства производили одинаковые продукты, тогда для обмена не было никаких оснований, и у продуктов не было меновой ценности. Когда же, теми или иными путями, труд оказался разделен в обществе так, что одни хозяйства производят одни, другие хозяйства—другие продукты, тогда обмен стал возможен; а с усилением специализации он стал и необходим, потому что отдельное хозяйство, напр., какого-нибудь кузнеца или сапожника, уже неспособно существовать прямо своими продуктами, без помощи обмена их на чужие, этим путем продукты получили свойство обмениваться, или меновую ценность. таким образом, они, значит, и сделались товарами.

Следовательно, в чем состоит сущность обмена товаров?

— В том, что люди, производители товаров, *работают друг на друга*, выполняя различные виды труда, и затем *взаимно обмениваются этим трудом*, заключенным в товарах.

б) Ступени или формы обмена.

Какие ступени проходит развитие обмена в жизни человечества?

— Три главных ступени, которые в науке называются также «формами обмена»: 1) *простая* или «случайная» форма; 2) *развернутая*; 3) *развитая* или «всеобщая».

Чем характеризуется простая форма обмена?

— Тем, что для обмена имеются налицо всего два продукта. Случайно встречаются два производителя, у которых случайно же имеются два разных продукта, причем обе стороны находят выгодным ими поменяться. Напр., у одной общины скота более, чем достаточно, но есть недостаток в орудиях, у другой же наоборот. Происходит обмен; его можно изобразить в таком, примерно, виде:

1 овца стоит 2 топора,—или

1 овца равняется (в обмене) 2 топорам.

Это — первая, простая или «случайная» форма обмена.

К какой эпохе жизни человечества она относится?

— По всей вероятности, к самым ранним стадиям патриархально-родового быта. Вначале это был скорее *обмен подарками*, чем обмен товарами. Как союзы родственных общин для войны или охоты, так и заключение мира между враждебными общинами должны были скрепляться взаимными подарками. Когда выбор подар-

нов стал обсуждаться обеими сторонами, и каждая указывала, что она хотела бы получить, то это был уже переход к настоящему обмену.

Что представляет развернутая форма обмена?

— Она отличается тем, что налицо есть несколько или много товаров, и, следовательно, возможен выбор между ними: существует уже некоторый *рынок*. Напр., сходятся вместе несколько общин, которые живут в разных природных условиях и потому развили у себя разные виды труда: одна преимущественно скотоводство, другая — больше охоту, третья — земледелие и т. д. Каждая предлагает другим в обмен то, чего у нее есть избыток. Это можно выразить так:

1 овца равняется 2 мешкам зерна, или 3 волчьим шкурам, или 2 топорам, и т. д.

Чем больше товаров, тем больше «развертывается» это выражение; потому такая форма обмена и называется *развернутой*.

Какому периоду жизни человечества она соответствует?

— Более поздним, но еще не последним стадиям патриархального быта (как можно судить по некоторым диким племенам, сохранившимся до нашей эпохи).

Что представляет третья или всеобщая форма обмена?

— Здесь не только имеется выбор товаров, но, кроме того, из числа их выделился один, который всеми на рынке берется наиболее охотно и благодаря этому приобретает особенные свойства. Предположим, что такой товар — скот (это и на самом деле было во многих странах). Если на рынок явился, напр., рыболов, который на свою рыбу желает выменять топоры, — но на рынке в данное время их не оказывается, то он предлагается обменять рыбу на скот: это выгодно, потому что скот вообще товар полезный и удобный для сохранения; а главное, так как его все берут охотно, то, всего вернее,

именно на него удастся выменять топоры, когда они, наконец, появятся на рынке. Чем чаще повторяются с успехом подобные расчеты, тем больше все привыкают и вообще обменивать свои товары прежде всего на скот, а потом уже за скот приобретать другие товары, какие нужно. Товар - скот делается *орудием обмена*. Создается вместе с тем привычка и *оценивать* другие товары на скот при всяком торге: товар - скот делается *мерилом меновой ценности*. Обмен тогда можно выразить так:

2 топора	} равняются 1 овце (стоят 1 овцу).
или 3 волчьих шкуры	
или 10 рыб	
или 2 мешка зерна.	

Особенный товар—скот—здесь называется *всеобщим* или *денежным* товаром.

В какие эпохи складывается всеобщая форма обмена?

— В позднейшие эпохи родового быта и в эпоху феодализма, в те времена, когда обмен стал уже обычным явлением, хотя и не господствующим в жизни (господствовало еще натуральное хозяйство).

Какие были в разных странах денежные товары?

— В древней Греции, Риме и многих других—скот; в древней Руси—меха; в иных странах—соль, бобы, какао, железо, медь и т. д. Но по мере экономического развития повсюду затем происходило вытеснение других денежных товаров *серебром* и *золотом*, которые собственно и называются *деньгами*.

в) Деньги.

Почему серебро и золото стали деньгами?

— Как средство украшения, они были товаром, который всюду брали очень охотно: дикари и варвары всегда очень ценят украшения. Кроме того, эти металлы лучше всего другого сохраняются, так что их удобно накапливать;

они легко делятся на мелкие части, так что ими удобно расплачиваться и за малые, и за большие количества товаров, тогда как, напр., скот для этого очень часто не подходит; они однородны—один кусок золота или серебра совершенно подобен другому его куску того же веса и формы, между тем как, напр., одна овца не настолько одинакова с другой; поэтому золото и серебро лучше годятся для измерения ценностей; затем они занимают сравнительно мало места и легко могут переноситься. Все эти преимущества и помогли им вытеснить прочие денежные товары, стать единственными деньгами. В наше время, на гораздо более высокой ступени развития, истинными деньгами осталось одно золото: у серебра ценность оказалась недостаточно устойчивой, сильно менялась в прошлом веке, и потому серебро не могло удержаться, как мерило ценности.

Что такое монета?

— Слиток денежного металла, определенной формы и веса. При обмене золото и серебро отмеривались первоначально каждый раз по весу; взвешивание было при тогдашних способах операцией нелегкой, долгой, допускающей часто и ошибки и обман. Некоторые феодалы, для удобства своих расчетов, стали готовить куски одинакового вида и веса, следовательно—заранее известной ценности, которая на них и обозначалась. Эти слитки принимались уже без нового взвешивания, если феодал, знаки которого на них имелись, пользовался доверием. При больших суммах и в сомнительных случаях прибегали, однако, опять к весам. Это еще и в наше время делается при международных больших расплатах: монета чеканится каждым государством самостоятельно, но потому и обязательна только в его пределах. Был, напр., случай непринятия Францией платежа процентов по займу, сделанному Россией, когда было доставлено несколько вагонов золота недостаточно высокой пробы, т.-е. со слишком большой примесью меди.

Какую новую потребность создают в людях деньги?

— *Жажду накопления.* Дело в том, что за деньги можно купить всякий товар; но при покупке деньги истрачиваются. Они дают в руки человека великую общественную силу, позволяют ему обращать в свою пользу труд других людей; но когда они истрачены, эта сила исчезает. Отсюда и возникает стремление без конца собирать и накапливать в своих руках деньги, чтобы увеличивать заключающуюся в них силу и сделать ее неисчерпаемой. Деньги становятся для человека *сокровищем*, которое он всячески старается умножать. Развивается даже настоящая страсть накопления, при которой человек забывает уже и самое назначение денег, копит их, чтобы копить, для этого во всем себе отказывая; и бывали случаи смерти скупцов от истощения на сундуках с золотом.

Как действуют деньги на другие потребности людей?

— Деньги, и вообще развитие обмена, которым порождается их применение, ведут к *усложнению и расширению* потребностей. Это зависит от того, что они позволяют людям приобретать самые разнообразные продукты, какие только имеются на рынке, тогда как раньше, когда не было денег и развитого рынка, каждая община должна была довольствоваться продуктами собственного труда, да ограниченного поневоле обмена с ближайшими соседями.

Как действуют деньги на сознание людей в обществе?

— Они отнимают у людей понимание трудовой связи между членами общества. Когда каждая община или хозяйство жили продуктами собственного труда и соседского обмена, тогда эта связь — работа людей друг на друга — была для них очевидна; когда же продукты приобретаются за деньги на рынке, большей частью, от со-

вершенно чужого, неизвестного покупателю продавца, который, может быть, не сам произвел эти продукты, тогда прежней очевидности уже вовсе нет. Тогда кажется, что все дело в деньгах, что именно деньги обладают силой давать людям те или иные товары; а труд и сотрудничество остаются в тени и уходят от сознания людей, остаются невидимы за рынком и деньгами.

III. Меновое хозяйство.

а) От натурального хозяйства к меновому.

Какое общество называется меновым?

— Такое, в котором господствует *товарное производство*, т.-е. каждое хозяйство производит на рынок и при посредстве рынка получает необходимые средства для своего поддержания, продавая свои товары и покупая чужие.

Как совершался переход от натурального хозяйства к меновому?

— С полной постепенностью. Сначала отдельная община или семейные хозяйства обменивались только *излишками*; потом, стараясь увеличивать количество этих излишков для обмена, отдельные хозяйства все более *специализировались* на производстве наиболее подходящего для них продукта; при этом каждое стало понемногу забрасывать производство других, даже самых необходимых продуктов, предпочитая получать их с рынка, путем покупки. Так усиливалось и углублялось *разделение труда* в обществе; наконец, все хозяйства оказались уже неспособными и существовать без покупки-продажи.

Какие основные изменения произошли в феодальной организации, когда обмен стал приобретать господство над нею?

— В ней произошло чрезвычайное *усиление эксплуатации*, и она перешла в новые формы; это был в одних случаях *крепостной*, в других — *рабовладельческий строй*.

Почему рост обмена породил усиление эксплуатации?

— Потому что он вызвал у феодалов расширение потребностей и жажду денег. Извлекая из крестьян прибавочный труд в виде барщины и оброка, феодал при наличии широкого рынка получил возможность, продавая прибавочный продукт за деньги, приобретать на них самые разнообразные продукты утонченного потребления и роскоши. Это побуждало его покидать прежнюю простоту образа жизни и широко развить свои потребности; а вместе с тем у него явилось стремление добывать как можно больше денег и для этого присваивать больше прибавочного продукта подвластных ему производителей. Прежде феодал значительную долю своих запасов тратил, в случае надобности, на пользу крестьянских же хозяйств; а теперь у него исчезает склонность к этому: для него гораздо приятнее обратить запасы в деньги и пользоваться ими для себя. Эксплоатация тогда перестает быть умеренной, становится грубой и беспощадной.

Что представляет из себя **крепостное хозяйство**?

— По внешности оно очень похоже на прежнее феодальное, из которого развилось. Основу его составляла также община, с общинным землевладением и соседской взаимной поддержкой крестьянских хозяйств; и само крестьянское хозяйство оставалось весьма долго почти всецело натуральным. Феодал превратился в помещика и попрежнему получал с крестьян барщину и оброк. Но суть отношений глубоко изменилась. То, в чем прежде

феодал был полезен или даже необходим для крестьян, он либо перестает выполнять, либо превращает в средство усиливать эксплуатацию. Помещик уже не был организатором военной защиты для крестьян—это дело перешло в руки создавшегося тем временем *государства* с неограниченной монархической властью. Но власть над крестьянами он сохранил, и она стала для него средством выжимания прибавочного труда. Поддержку слабейших хозяйств он предоставил общине; при этом она была вся связана *круговой порукой* в исполнении повинностей помещику: за тех, кто не мог дать, сколько помещик требовал, расплачивались другие. Помещичьи мельницы, пекарни и пр. превратились тоже в источник вымогательства: крестьяне были обязаны ими пользоваться за такую цену, какую было угодно назначить помещику. Вообще, экономическая деятельность помещика свелась почти всецело к эксплуатации и паразитизму.

Почему этот строй называется «крепостным»?

— Крайнее усиление тягостей заставило крестьян бежать с земли, куда только было возможно. Тогда помещики с помощью государства *прикрепили* крестьян к земле, отняли у них право ухода и перехода от одних хозяев к другим, право, которое существовало при феодализме. Крестьяне были раньше вассалами у феодала, т.-е. полусвободными людьми; теперь они стали *крепостными*, т.-е. почти или вполне рабами.

Что представляло рабовладельческое хозяйство?

— Его главное отличие от крепостного заключается в том, что крепостной имеет свое особое хозяйство, отдельное от господского, а раб не имеет. Крепостной крестьянин отбывает очень долгую и тяжелую барщину, но она не занимает у него *всего* рабочего времени; у раба же *все* рабочее время есть барщина. Рабы работают на господина в поле или в мастерской, но у них нет своего участка, своей мастерской—все это господское, и господа их кормят. При крепостном праве бывали также и рабы—

это именно дворовые, которые своего хозяйства не имели; но не на дворовых, а на крестьянах держалось, главным образом, помещичье богатство. Рабовладельческое хозяйство, как и крепостное, было вверху меновым, а внизу натуральным: господа продавали прибавочный продукт и большую часть предметов своего утонченного потребления приобретали на рынке; рабы жили почти всецело продуктами собственного труда, той долей, которую им оставляли господа.

Какие причины создавали рабовладельческое хозяйство?

— В древнем, греко-римском, мире рабовладение развилось на основе широкого применения военно-пленных для принудительной работы. Греция и Рим были окружены варварами, стоявшими ниже их по развитию, и постоянно вели с ними победоносные войны; при этом оказывалось много пленных, которых выгоднее было эксплуатировать, чем убивать. Новейшее рабство индейцев, а затем негров было основано тоже на военно-грабительском захвате людей. В иных случаях и крепостное право, при усилении эксплуатации, переходило в рабство; путь к этому шел через превращение по произволу крестьян в дворовых, продажу крестьян без земли и пр. У нас в России крепостное право к концу стояло очень недалеко от рабства.

На чем основалась продажа крепостных и рабов?

— С точки зрения эксплуатирующих, во все времена рабочая сила рассматривалась, наряду с орудиями, как средство получения прибавочного продукта. Поэтому она, как и орудия, имела ценность; и так как она принадлежала не самим работникам, а их господам, то и на рынке ее продавали не сами крестьяне и рабы, а их господа, — продавали, естественно, вместе с телами, в которых эта сила заключена.

Насколько крепостной и рабовладельческий строй способны к развитию?

— Они оба способны к довольно быстрому, но ограниченному развитию. Пока у господ не утратились окончательно трудовые привычки, связанные с их прежней полезной деятельностью, они, стремясь увеличить количество продукта на продажу, могли совершенствовать способы и организацию производства. Но когда они пришли к полному паразитизму, то потеряли всякую способность и склонность заниматься улучшением приемов труда и стали к труду относиться с презрением, как к делу рабскому, а все хозяйственные усилия направили к голому усилению эксплуатации. Крепостные и рабы к самостоятельному развитию не были способны, потому что у них не оставалось сил для этого: господа отнимали всю прибавочную трудовую энергию, и даже часть той, которая была необходима для простого поддержания рабочей силы на высоте. Тогда развитие становилось невозможным, и начиналось вырождение—вверху от паразитизма, внизу от истощения сил. Так погибли Греция и Рим, выродившись до того, что не могли больше сопротивляться окружающим варварам. В Европе позднейших времен крепостная система не привела к подобной гибели потому, что рядом с ней возник и развился иной, *ремесленно-городской строй*.

б) Меновое хозяйство в городах средних веков.

В чем заключалась экономическая основа городов в средние века?

— В обмене. Города были по преимуществу *рынками*, центрами обмена. На этом основывалось все их развитие. Некоторые крестьянские общины феодальных времен, в силу ли особенно удобного географического положения или по другим причинам, стали средоточиями

зарождавшейся торговли: там сходились для обмена окрестные крестьяне, управляющие феодалов и пр. Там селились, естественно, те, которые хотели специально заниматься торговлей и которые постепенно образовали новое, купеческое сословие; покупая у одних, с выгодой перепродавая другим, они скопляли в городах товары и деньги. Там находили для своих произведений наилучший сбыт ремесленники; поэтому они отовсюду стремились в города и образовали главную массу их населения. Крестьянские же занятия, хотя долго еще держались у городских жителей (потому что города и были первоначально лишь большими деревнями), но теряли прежнее значение: уже не земледелие было основой городского богатства, а ремесло и торговля. ✓

Находились ли города в зависимости от феодалов?

— Да, весьма долго. Но с самого начала феодалы, занимаясь сельским хозяйством, не жили в своих городах, а потому и мало вмешивались в их экономическую жизнь, ограничиваясь тем, что брали с их жителей оброки. Растущее богатство городских общин позволяло им мало-по-малу откупаться от феодальных стеснений и повинностей, так что в то самое время, как деревня все более закрепощалась, город, напротив, освобождался. Впоследствии города стали так могущественны, что многие совсем освободились от зависимости, иногда выкупом, иногда своей военной силою, и стали *вольными* городами.

Какая была в городах общественная организация?

— Сначала такая же, как и в деревенских общинах, из которых они развились: общие дела решались сходом хозяев. Потом сумели захватить власть старые купеческие фамилии, объединенные в особые союзы—«гильдии»; опираясь на свое богатство, они долго хозяйничали в городах. Потом, однако, ремесленники, объединившись в свои союзы—«цехи»—и пользуясь

своей численностью, сумели, большею частью, отнять власть у «гильдий» и создали в городах сравнительно демократическое правление. Но все время строй оставался республиканский, даже при господстве купеческой аристократии с ее гильдиями.

Как было организовано ремесленное хозяйство?

— Оно было первоначально семейным, подобно крестьянскому. Во главе его стоял *мастер*, ремесленник-хозяин; он работал со своими сыновьями в своей мастерской. Но к семье присоединялись *ученики* и *подмастерья*, которые жили и работали у хозяина, наравне с его семьей. Подмастерья получали не только полное содержание, но и некоторую плату сверх него, чтобы впоследствии, скопивши ее, устроить на эти деньги собственное хозяйство—стать мастерами. Союзы мастеров — цехи — устанавливали обязательное число лет, которое надо было каждому провести в учениках и затем в подмастерьях. Учеников и подмастерьев не позволялось иметь много: 2, 3, самое большее 5, и то в немногих цехах. Это правило цехи ввели для того, чтобы не выросли большие мастерские, которые отбили бы заработок у большинства мастеров. Цехи вообще устанавливали подробные правила, сколько времени в день допускается работать, какой должен быть материал работы, фасон продуктов, их продажные цены и пр.: все это для того, чтобы одни мастера не разорили других конкуренцией, и рынка хватило бы для всех.

Существовала ли в ремесле эксплуатация?

— Да: подмастерья и ученики были вроде нынешних наемных рабочих; и хозяин пользовался их прибавочным трудом: продавая весь продукт общего с ними труда в свою пользу, он получал, таким образом, *прибавочную ценность*. Но эта эксплуатация была умеренной и мягкой, имела, так сказать, семейный характер: подмастерья и ученики, работая вместе с мастером, жили у него совершенно на правах членов

его семьи, имели с ним общий стол и пр. Ни чрезмерной работы, ни усиленной экономии на их содержании не наблюдалось: вместе с ними мастеру пришлось бы обременять и сокращать самого себя. Все это изменилось лишь впоследствии, когда ремесленный строй начал приходить в упадок.

Было ли меновое хозяйство городов способно к развитию?

— В гораздо большей степени, чем феодальное, а тем более—чем крепостное хозяйство. Свободный труд и торговля городов послужили основой всего дальнейшего развития Европы. В городах существовал прибавочный труд, который тратился не на паразитизм, а на укрепление производства. При помощи торговли часть прибавочного труда деревни через руки феодалов также переходила в город, когда они покупали там предметы своего потребления. Этим объясняется высокий расцвет, которого достигли города за несколько столетий.

в) Общие законы обмена.

Каков действительный смысл обмена и каким он представляется самим участникам обмена?

— Действительный смысл обмена заключается в *сотрудничестве* людей, в том разделении между ними занятий, которое позволяет им, работая друг на друга, успешнее поддерживать жизнь и развитие общества. Но совсем не так представляется дело в сознании участников обмена: для них это—*борьба*. Покупатель хочет заплатить как можно меньше, получить товару как можно больше: таков его *интерес*. Интерес продавца противоположный: и тот и другой стараются поставить на своем. Борьба ведется в мирной форме, в виде «торга»,—но все-таки отношение двух сторон враждебное. Бывали, и теперь бывают случаи, когда оно обостряется вплоть до насилия. Так, иногда дороговизна

хлеба и других необходимых продуктов вызывала восстания, разграбление магазинов. И еще, кроме этого, при развитом обмене существует *конкуренция*. Продавцы одного и того же товара находятся между собою в соперничестве, также и покупатели. Каждый продавец желает сбыть свой товар,—но неизвестно, хватит ли покупателей на всех продавцов; а на кого не хватит, у того товар пропадет даром. Поэтому каждый продавец отбивает у других покупателя; и эта враждебность, обычно не выходящая из мирных форм, иногда переходит в насильственные действия. Но и покупателям не всегда хватает товару; отсюда конкуренция и между ними.—Так на основе сотрудничества в меновом обществе идет борьба, и она для людей затемняет, как бы заслоняет связь их труда.

В борьбе между покупателем и продавцом кто побеждает?

— Это зависит от *спроса и предложения* товара. Предложение—это то количество товара, которое находится на рынке, т.-е. которое «предлагают» продавцы; спрос—то количество, которое требуется покупателям. Если предложение больше спроса, или, другими словами, если товару на рынке слишком много, так что покупателей на него не хватает, то между продавцами происходит усиленная конкуренция; каждый из них готов понижать цену, лишь бы сбыть с рук свой товар; этим пользуются покупатели, и товар им достается дешевле. Когда спрос больше предложения, т.-е. товару не хватает на покупателей, то получается все наоборот—конкуренция между покупателями повышает цену.

Но когда предложение и спрос оказываются равны между собою, по какой цене тогда совершается обмен?

— Тогда цена бывает не дорогая и не дешевая—обмен происходит по *нормальной ценности* товаров.

Что такое «нормальная» ценность?

— Такая, которая соответствует *трудовой стоимости* товаров. Весь смысл обмена заключается в том, что люди взаимно отдают друг другу труд, заключенный в их товарах. Поэтому обмениваться должны один на другой такие товары, в которых заключается *по равному количеству труда*; напр., в одном 10 часов простого труда и в другом тоже 10 часов. Это относится ко всяким товарам, в том числе и к деньгам.

Однако, очевидно, бывает и иначе, если один и тот же товар продается иногда дороже, иногда дешевле?

— Да, потому что разделение труда в меновом обществе *неорганизованное*, и производство, а следовательно предложение товара, часто не соответствует спросу. Тогда получается то, что, напр., один товар, стоящий 10 часов труда, обменивается на другой товар (или на деньги), стоимостью всего 6 часов, или же, напротив, стоимостью 15 часов. Но тогда сам рынок исправляет дело. Если платье, стоящее 20 часов труда, обменивается за столько же денег, как сапоги, стоящие 10 часов, то производители платья почувствуют, что их занятие невыгодно, и начнут переходить к другим видам труда; а производители сапог, в виду исключительно хороших цен, станут по возможности расширять производство, и к сапожному делу станут переходить производители из других отраслей труда. Предложение платья на рынке уменьшится, конкуренция между покупателями усилится, и цена на платье повысится; наоборот, предложение сапог увеличится, превзойдет спрос, и цена на сапоги упадет. Может создаться даже обратное положение—сапоги будут продаваться ниже своей трудовой стоимости, а платье выше. Но тогда общественный труд начнет перемещаться обратно — от сапожного дела к портняжному, и цены пойдут снова в противоположную сторону, и т. д. Словом, *колебания спроса и предложения*

постоянно стремятся привести цены к соответствию с трудовой стоимостью товаров, к тому, чтобы в товарах равное количество труда обменивалось на равное.

Но ведь бывает же, что и в одинаковых товарах заключается неодинаковое количество труда?

— Да, это бывает, если подсчитывать труд *отдельных работников*, особенно когда у них не одинаково совершенные орудия. Напр., портной умелый такое же точно платье сошьет с меньшим трудом, чем неумелый; портной, имеющий швейную машину, затратит гораздо меньше работы, чем не имеющий ее. Но рынку нет дела до этого; он считается не с отдельными работниками, а с *общественным трудом*, с *общественно-трудовой* стоимостью. Если в обычную технику уже вошли швейные машины, то портной, работающий ручной иглой, тратит больше труда, чем в данном обществе это *необходимо* для производства платья; но весь лишний труд ничего ему не принесет: в действительную стоимость платья входит только *общественно-необходимый* труд, и только от него зависит меновая ценность.

Следовательно, как выразить кратко основной закон обмена?

— Действительная меновая ценность товаров зависит от их трудовой стоимости, т.-е. от количества общественно-необходимого труда, которое в них заключается. Колебания спроса и предложения являются той силой, которая приводит изменчивые рыночные цены к уровню этой ценности.

IV. Капитализм торговый.

а) Капитал вообще.

Что называется «капиталом»?

— В обыденной речи под «капиталом» подразумевают *имущество, приносящее доход*. Но это обычное понимание ошибочно, потому что никакое имущество *само*

по себе дохода приносить не может. Если же иногда кажется, что это так происходит, напр., что фабрика приносит владельцу доход независимо от его собственной работы, то при исследовании обнаруживается, что на самом деле не то: фабрика не приносила бы никакого дохода, если бы на ней не работали наемные рабочие; они выполняют и *необходимый* труд, отрабатывая стоимость своих средств существования, и *прибавочный*; труд прибавочный присваивается фабрикантами и образует их доход—прибыль. Или, напр., деньги, положенные в банк, приносят доход; почему? Потому что банк, пуская их в оборот, дает их займы каким-нибудь фабрикантам, заводчикам и другим капиталистам, которые на них ведут свое дело, т.-е., нанимают рабочих и присваивают их прибавочный труд; часть из этого прибавочного труда капиталисты отдают банку, в виде процентов по займу,—а банк делится со вкладчиками. И во всех случаях, где имеется капитал и доход от него, можно найти одно и то же—а именно, что владельцем капитала присваивается, прямо или через чужие руки, чей-нибудь прибавочный труд.

На каком же основании владельцу капитала удастся присваивать чей-нибудь прибавочный труд?

— На том, что ему принадлежат, как его частная собственность, *необходимые средства производства*. Так, фабрика есть известная совокупность средств производства; деньги при меновом хозяйстве тоже являются необходимым средством производства, потому что без них нельзя получить орудий, материалов труда, нельзя нанять рабочей силы, вообще — организовать производительное предприятие. Как собственник средств труда, капиталист присваивает продукт и заключенный в нем прибавочный труд. Только на этом условии капиталист соглашается дать средства труда в руки производителя, работника.

Следовательно, что же такое в действительности капитал?

— Это—средства производства, ставшие *средством эксплуатации*, благодаря тому, что они находятся в *частной собственности*.

Все ли экономисты согласны с этим пониманием капитала?

— Нет. Во многих книгах излагается иная точка зрения: капитал понимается, как «продукт прежнего труда, который служит для дальнейшего производства». Это означает—все средства производства, добытые трудом. Напр., при этом выходит, что если первобытный дикарь набрал камней и выломал дубину для своей охоты, то эти камни и эта дубина—его капитал. Этот взгляд неправилен, потому что он смешивает в одну грудку самые различные вещи и отношения: капиталистом тут оказывается и первобытный дикарь, и крестьянин, и ремесленник, у которых есть орудия, произведенные трудом. Но этот взгляд отстаивают все те экономисты, которые сочувствуют капиталу и защищают его интересы; им важно доказать, что капитал вечен, всегда необходим в производстве. На самом же деле средства производства всегда необходимы, но не всегда они бывают капиталом, т.-е. средством присвоения чужого прибавочного труда.

б) Капитал торговый и ростовщический.

Что такое торговый капитал?

— Капитал, который присваивает прибавочную стоимость путем торговых операций — покупки и продажи — для получения прибыли. Предположим, что 1 рубль денег изображает 10 часов простого труда, и что купец, купивши товар за 80 коп., продал его за 1 рубль, т.-е. отдал то, что стоило 8 часов труда, а взамен при-

обрел то, что стоило 10 часов. Очевидно, что при этом произошло присвоение 2 часов чужого труда в виде 20 коп. *торговой прибыли*. Если купец продал товар по настоящей стоимости, как это надо предполагать при обычных условиях, то ясно, что купил он его дешевле стоимости: производитель затратил на товар 10 часов труда, а уступил за сумму денег, заключающую всего 8 часов труда. Это торговая эксплуатация.

Почему же именно производитель делает уступку?

— Это может происходить по разным причинам; наиболее частая и общая та, что производитель сам не имеет доступа к рынку. Напр., скупщик приезжает в деревню и закупает у крестьян холст. Каждому крестьянину везти самому холст на ближайший рынок, хотя бы за несколько десятков верст, в город, значило бы потерять массу труда; а если производство ведется на вывоз в чужие страны, то крестьянину нечего и мечтать самому добраться до рынка. Поэтому он вынужден соглашаться на цену скупщика, иначе совсем не сможет сбыть своего товара. А когда помещик продавал продукт крепостных крестьян, который ему самому ничего не стоил, то, естественно, он и не заботился особенно о том, что отдает их труд за меньшее количество чужого труда.

Что такое ростовщический капитал?

— Это такой, который ведет *торговлю деньгами* и этим способом получает прибавочную стоимость. Напр., кулак дает крестьянину или ремесленнику займы деньги с тем, чтобы тот через определенный срок отдал их ему в большем количестве. К тому, что должник получил, он вынужден потом, при расплате, прибавить еще некоторое количество труда, в виде «процентных денег». — Бывает, впрочем, и *товарное* ростовщичество — напр., занимают у кулака 2 пуда зерна, отдают 3 пуда; но оно теперь имеет меньше экономического значения.